

С КАФЕДРЫ
ПРЕЗИДИУМА РАН

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ
РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

© 2020 г. С. Г. Лузянин

Институт Дальнего Востока РАН, Москва, Россия

E-mail: luzyanin.sergey@mail.ru

Поступила в редакцию 14.10.2019 г.

После доработки 14.10.2019 г.

Принята к публикации 11.11.2019 г.

В докладе проанализированы основные тенденции развития отношений России и Китая на текущий период и ближайшую перспективу. Дается характеристика российско-китайского партнёрства в военно-политической сфере, взаимодействия в различных регионах мира, двустороннего торгово-экономического, инвестиционного и гуманитарного сотрудничества. Освещены первые шаги по формированию Большой Евразии в рамках двух основных континентальных проектов – Евразийского экономического союза и китайской инициативы “Один пояс – один путь”.

Ключевые слова: Россия, Китай, стратегическое партнёрство, безопасность, торговля, сопряжение, Евразия, кооперация.

DOI: 10.31857/S0869587320020085

Положение России и Китая в системе глобальных военно-стратегических, экономических и геополитических вызовов определяется несколькими факторами.

Первый из них – сложившаяся структура международного разделения труда, в центре которой традиционно находились Европа и США. В последние годы она стремительно деформируется, порождая новую идеологию глобального управления. По мнению китайской стороны, через инициативу “Один пояс – один путь” КНР бросила вызов модели разделения труда и структуре управления, где доминирует Запад. Китай предлагает свою концепцию развития, включающую

“сообщество единой судьбы человечества” и “общество развития”.

Основным риском в 2019 г. стала неопределённость мировой политики на фоне фрагментации экономического порядка. Антироссийские санкции и торговые противоречия между КНР и США представляют угрозу не только России и Китаю, но и многосторонней торговле и международному управлению. При этом Всемирная торговая организация (ВТО), Всемирный банк, Международный валютный фонд давно нуждаются в реформах, которые отразили бы объективные изменения в мировой экономике, включая интересы стран с формирующимся рынком. Очевидно, что повестку ВТО следует дополнить соглашениями по информационным технологиям, торговым аспектам прав интеллектуальной собственности и др. РФ и КНР выступают за преобразование международных институтов с учётом новых реалий.

Второй фактор, определяющий положение России и Китая в системе мировых отношений, – разрушительное влияние нынешней американской политики на глобальную и региональную безопасность, причисление России и Китая к основным стратегическим противникам Соединённых Штатов Америки. В феврале 2018 г. в Обзоре ядерной политики США отмечено, что “Россия и Китай пополняют арсеналы новыми видами ядерных средств, повышают роль ядерных сил в

ЛУЗЯНИН Сергей Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор, директор ИДВ РАН.

стратегиях и планах и ведут себя всё более агрессивно, в том числе в космосе и киберпространстве” [1]. Американская администрация, ссылаясь на рост угроз со стороны России и Китая, говорит о необходимости повышения гибкости американских ядерных сил, в том числе установки боеголовок малой мощности на часть баллистических ракет подводных лодок, и возвращения на вооружение крылатых ракет морского базирования в ядерном оснащении [2]. В этих условиях ключевой задачей двух стран становится формирование нового качества сдерживания США и их союзников. Этот процесс начал охватывать не только традиционные военно-стратегические сферы, но и приобретать некий специализированный характер. Так, Россия оппонирует США и их сторонникам в области передовых ракетно-ядерных вооружений, урегулирования региональных конфликтов; Китай действует в сфере мировых финансов, экономической интеграции и регионализации.

Третий фактор, который влияет на положение России и Китая в мире, обусловлен демонтажем договорных основ двустороннего (российско-американского) и многостороннего военно-стратегического сдерживания. Очевидно, что уничтожение американцами системы контроля над вооружениями не в интересах Китая, который официально никогда не входил в переговоры по ядерному оружию между РФ и США. Москва и Пекин – члены Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), формат которого обе страны активно поддерживают, хотя понимают, что нуклеаризация быстро распространяется по планете, приводит к образованию всё новых неофициальных ядерных государств. Китай, скорее всего, будет и дальше продвигать политику неприсоединения к российско-американским переговорам по ракетам разных классов и радиуса действия, несмотря на усилия Вашингтона вовлечь его в этот процесс, превратив двусторонние форматы Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) и Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ) в трёхсторонние. КНР на протяжении десятилетий вкладывала огромные ресурсы в развитие ракет средней и меньшей дальности, чтобы компенсировать американское превосходство в авиации и на флоте. В настоящее время страна вступила в фазу активного строительства и наращивания стратегических ядерных сил [3].

Наконец, четвёртый фактор, определяющий положение России и Китая в мировой политике и экономике, связан с поиском оптимального формата партнёрства, который, с одной стороны, сохранял бы “свободу рук” в отношениях с третьими странами, а с другой – отвечал бы старым и новым вызовам, угрозам безопасности двух государств. 14 февраля 1950 г. СССР и КНР подписа-

ли Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, 16 июля 2001 г. Российская Федерация и Китайская Народная Республика заключили Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, оформивший стратегическое партнёрство и доверительное взаимодействие. Этот исторический отрезок в 51 год вобрал весь спектр межгосударственных связей: союзничество, взаимопомощь, вооружённые конфликты, идеологическое противостояние, нормализация и стратегическое партнёрство.

Сейчас в отношениях двух стран фактически стирается грань между моделями стратегического партнёрства и союзничества. Внешние вызовы и угрозы, прежде всего со стороны США, подогревают в обществах и средствах массовой информации России и Китая движение к союзу. При этом в российских и китайских правящих элитах доминирует мнение, что союзнические отношения нежелательны, поскольку предполагают жёсткие взаимные обязательства с третьими странами и ограничения. Но есть общее понимание, что действующий договор 2001 г., предполагающий через 20 лет автоматическую пролонгацию, необходимо расширить и дополнить. Видимо, речь пойдёт в первую очередь о ст. 9, где говорится: “В случае возникновения ситуации, которая, по мнению одной из Договаривающихся Сторон, может создать угрозу миру, нарушить мир или затронуть интересы её безопасности, а также в случае возникновения угрозы агрессии против одной из Договаривающихся Сторон Договаривающиеся Стороны незамедлительно вступают в контакт друг с другом и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы” [4]. Очевидно, что содержание статьи уже не отвечает уровню безопасности двух стран. Потребуется диверсификация не только текста договора, но и всей двусторонней военно-технической повестки и качественное углубление сотрудничества на данном направлении.

Рассуждения ведущих российских экспертов в сферах военной безопасности Китая относительно перспективности или бесперспективности российско-китайского альянса касаются в основном идеи о том, что классические военные союзы, их правовые основания устарели и в наших отношениях необходимо строить неформальный квазисоюз, который, по сути, уже выполняет роль сдерживания третьих стран. “Старые союзы, собственно, и строились вокруг общей цели (общего врага) на определённое время, – подчёркивал известный эксперт В.Б. Кашин, – и не исключали разности интересов во второстепенным направлениям политики. Подобные второстепенные противоречия не исключают упорной совместной борьбы во имя общей цели. Таким образом, качественный сдвиг в российско-китайских отношениях в военно-политической сфере уже произо-

шёл в период 2018–2019 гг. Окончательная формализация союзнических отношений может произойти в перспективе, а может и не произойти никогда, по сути, это мало что изменит” [5].

В парадигме формирования нового типа полусоюзнических отношений между Россией и Китаем происходит обновление военно-стратегического сотрудничества. Явным стимулом к их углублению стало официальное решение руководства США, озвученное в 2018 г., назвать Китай и Россию главными военно-стратегическими противниками Америки. Стороны, начиная с 2018 г., перешли к дополнительным формам военного сотрудничества, которые позволяют говорить о другом качестве отношений. В ближайшие месяцы можно ожидать заключение нового соглашения в этой сфере, которое заменит правовой акт 1993 г. Россия завершила поставки в КНР 24 истребителей Су-35С и заканчивает поставки комплекса ПВО С-400. В 2018 г. на территории Восточного военного округа проходили масштабные общевойсковые учения Вооружённых сил Российской Федерации “Восток-2018”, в сентябре 2019 г. состоялось стратегическое командно-штабное учение “Центр-2019”. Наряду с этим продолжают совместные учения “Морское взаимодействие”, “Воздушно-космическая безопасность” и др. Систематическим стало боевое патрулирование дальней бомбардировочной авиации двух стран над Тихим океаном. В стадии обсуждения находится вопрос о проведении совместных учений в различных точках мира, например, на Ближнем Востоке, создании военно-морских баз на дальних рубежах.

Китайцы осознают, что стоят на пороге гонки ядерных вооружений в Азии, где их противником будут США, занятые сейчас активным поиском мест размещения в регионе ракетного оружия средней дальности наземного базирования. Для Китая поддержание высокого уровня военно-стратегического взаимодействия с Россией — один из основных приоритетов национальной безопасности. Понятно, что КНР исходит прежде всего из собственных интересов, а российский стратегический потенциал воспринимает в контексте китайской безопасности. При этом и Россия рассматривает китайский стратегический фактор с точки зрения своих интересов. Сложение этих составляющих даёт важный политический баланс взаимодействия России и Китая в сфере стратегической и военной безопасности.

Достаточно новая и чрезвычайно сложная проблема в российско-китайских отношениях — формирование так называемого Большого евразийского партнёрства, или Большой Евразии, где Россия и Китай выступают в качестве ключевых акторов. Институционально данный процесс развивается в рамках взаимодействия

двух основных континентальных проектов — Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайской инициативы “Один пояс — один путь” (КИОП). КИОП, в отличие от ЕАЭС, не является институализированным проектом. Он подразумевает комплексное продвижение на континенте китайских товаров, услуг, капиталов, создание новой и обновление старой транспортной инфраструктуры, ориентированной на развитие КНР, а также сопредельных стран и регионов. Существует морская версия “Одного пояса — одного пути”, охватывающая южные моря Китая и Индийский океан. В течение тысячелетий Поднебесная империя была центром Азии, большинство соседних народов и государств рассматривались ею как потенциальные или фактические вассалы. Многие западные и часть российских экспертов рассматривают реализацию “Одного пояса — одного пути” как завуалированную китайскую версию установления в будущем в Евразии экономического доминирования КНР. Таким образом, КИОП — это долговременная стратегема китайского освоения Евразии, выход Поднебесной вовне. Поэтому для России проект связан и с вызовами, и с определёнными рисками, и с возможностями использования китайского потенциала для собственного развития.

До 8 мая 2015 г., то есть до подписания совместного заявления двух стран о запуске механизма сопряжения между ЕАЭС и Китаем, Пекин достаточно критично воспринимал деятельность Евразийского экономического союза. Многие китайские эксперты говорили о возможной конкуренции ЕАЭС и КИОП. Сейчас совместное заявление рассматривается как важный политический компромисс двух сторон на признание (де-юре и де-факто) равных прав на самостоятельное развитие обоих проектов и их сопряжение/стыковку.

Экономическая часть такой стыковки, пока отстающая от политической, предполагает в том числе совместное развитие транспортной инфраструктуры, торговли и инвестиционных проектов. При этом наблюдается китайское превосходство в сфере торговли, инвестиций и транспортно-логистических операций, идущих преимущественно через Казахстан и другие государства, минуя восточный участок российского Транссиба [6, 7].

Заметим, что сопряжение происходит на фоне активной инфраструктурной и инвестиционной политики Китая в государствах Центральной Азии и других субрегионах. КНР ежегодно вкладывает в страны, входящие в проект “Один пояс — один путь”, примерно 12% совокупного объёма прямых иностранных инвестиций, в 2017 г. этот показатель составил 120,1 млрд долл. Россия явно уступает КНР в этой конкуренции, сохраняя свои

позиции в основном в сфере безопасности, включая формат Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Отношения ЕАЭС и Китая всё ещё строятся на непреференциальной основе, что было формализовано и подтверждено в соглашении от 17 мая 2018 г. о развитии торгово-экономического сотрудничества между Евразийским экономическим союзом и КНР.

Для России, как считает большая часть наших экспертов, создание зоны свободной торговли между ЕАЭС и КНР, — пока преждевременный шаг в условиях китайского экономического доминирования в регионе. При этом Пекин согласен на создание с ЕАЭС зоны свободной торговли в отдалённой перспективе [8].

Международная (региональная) повестка строится на общности подходов России и Китая по принципиальным вопросам современного миропорядка и ключевым международным проблемам, включая ситуацию на Корейском полуострове, в Афганистане, на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Латинской Америке. Позиции стран совпадают или близки. Особую ответственность Москва и Пекин чувствуют за положение дел в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Совместные усилия привели к расширению АТР (за счёт вступления Индии и Пакистана) до 8 постоянных членов и диверсификации отношений в рамках БРИКС — коалиции пяти стран (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР). Оба проекта отражают рост региональной и глобальной роли РФ и КНР в мире [9].

Для Российской Федерации особую значимость имеет укрепление Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), причём не только за счёт усиления региональной безопасности в связи с борьбой против трансграничного терроризма, решением проблем по Афганистану, странам Центральной Азии, но и континентальных перспектив обустройства Большого евразийского пространства. Альтернативой региональным интересам России и Китая в АТР выступает проект Вашингтона “Индо-Тихоокеанский регион”, в котором участвуют США, Индия, Австралия и Япония. Очевидно, что в АТР формируется многоуровневая конфликтная среда в экономико-интеграционных, финансово-технологических, военно-политических и институциональных сферах, где китайско-американское противостояние будет ключевым, длительным и системным.

Приоритетное направление в международной региональной политике — развитие координации в границах стратегического треугольника Россия—Индия—Китай (РИК). Сформирован механизм регулярных встреч руководителей, премьер-министров, министров иностранных дел трёх стран. Формат РИК фактически формирует ядро Шанхайской организации сотрудничества и пла-

ны евразийского сотрудничества, где Индия — относительно новый участник.

В российско-китайской торговле в 2018 г. и первой половине 2019 г. сохранялись противоречивые тенденции. С одной стороны, скачок нефтяных цен привёл к резкому (на 27.1%) увеличению товарооборота до 107 млрд долл. и появлению у России небольшого положительного сальдо в 4 млрд долл. При существенном росте поставок в КНР минерального топлива и сельскохозяйственных товаров произошёл ощутимый (до 1%) спад в российском экспорте отдельных видов гражданской машинотехнической продукции. Статистика первого квартала 2019 г. показывает, что падение гражданских машинотехнических поставок в Китай приостановлено, есть небольшой рост. В ходе визита Си Цзиньпина в Санкт-Петербург 5 июня 2019 г. было подписано Соглашение о развитии торговли в национальных валютах. Укрепляется сотрудничество в научно-технической сфере, растёт интерес китайских высокотехнологичных компаний к российскому рынку, инновационному потенциалу (закупка “Хуавэй” российских активов в сфере искусственного интеллекта) и совместным проектам. В настоящее время сняты технические ограничения и барьеры для сельхозимпорта (риса, сои, кукурузы) из России. С другой стороны, полностью сохраняются или даже увеличиваются диспропорции: доминирование ресурсно-сырьевой — в российской и машинотехнической — в китайской части двусторонней торговли. В 2019 г. эта тенденция при дальнейшем росте общего товарооборота будет усиливаться. Подобная модель, сложившаяся ещё в 1990-е годы, объективно отражает асимметрию экономических потенциалов и структуру экономик двух стран. Налицо необходимость диверсификации российского экспорта и развитие совместных проектов в сферах высоких технологий.

Слабым местом в российско-китайском экономическом взаимодействии остаётся инвестиционное сотрудничество. Его уровень пока не соответствует ожиданиям сторон. Среди факторов, увеличивающих издержки бизнеса в России, — недостаточная степень защиты прав собственности, сложность процедур доступа к финансовым услугам, неэффективность деятельности правоохранительных органов, бюрократизм и пр.

Многие российские и китайские эксперты справедливо ссылаются на успешный опыт Китая при реализации инвестиционных проектов в других странах и регионах. Так, в 2017 г. объём прямых иностранных инвестиций в мировой рынок из Китая составил 120.1 млрд долл., что на 29.1% ниже по сравнению с 2016 г. В 2017 г. деньги были направлены на развитие 6236 предприятий в различных странах мира. На долю зарубежных порт-

фельных инвестиций КНР приходится 102.1 млрд долл. Китай подписал ряд инвестиционных соглашений на реализацию 782 проектов стоимостью 197.7 млрд долл. [10].

В отличие от российско-китайской торговли, объём прямых китайских инвестиций в Россию в 2018 г. сократился. По оценкам экспертов, с января по июнь 2018 г. он снизился на 24% по сравнению с аналогичным периодом 2017 г., но значительно превышает российские инвестиции в Китай. Инвесторы из Поднебесной в основном вкладывают средства в энергетический, сельскохозяйственный, строительный секторы России и в лёгкую промышленность. Российские инвестиции направляются преимущественно в производственную отрасль КНР, строительство и транспортные перевозки [11, с. 57, 58]. При этом общий объём накопленных в 2005–2017 гг. Китаем прямых инвестиций в отдельные западные страны значительно превосходит приток средств из КНР в Россию (табл. 1).

Многие китайские эксперты как один из вариантов снижения рисков и барьеров на пути инвестиционного и торгового сотрудничества предлагают создать зону свободной торговли (ЗСТ) между двумя странами, в частности, разработать совместное технико-экономическое обоснование для постепенного продвижения переговоров по российско-китайскому соглашению о ЗСТ [11, с. 42, 43].

Чрезвычайно сложным для России остаётся вопрос развития двустороннего сотрудничества в банковско-финансовой сфере. В 2018 г. стороны планировали подписать Соглашение о расчётах в национальных валютах, работа над которым шла с 2014 г. Однако в декабре 2018 г. Китай отказался подписывать документ, ссылаясь на политические и коммерческие риски, связанные с санкционной политикой США. При этом объём взаиморасчётов и импортных сделок между Россией и КНР в юанях увеличился. В декабре 2018 г. Министерство финансов РФ сообщило о планах размещения в 2019 г. государственных облигаций в юанях. Стороны на экспертном уровне продолжают обсуждать проблему ослабления зависимости от универсальной платёжной системы SWIFT. Создание российско-китайского аналога позволило бы снизить уязвимость финансовых систем двух стран. Первым шагом в этом направлении стала произведённая в 2018 г. Всероссийским банком развития регионов эмиссия карт UnionPay – “Мир”. Использование таких карт позволяет осуществлять транзакции на территории России с помощью платёжной системы “Мир”, за границей оплата происходит через UnionPay. В России также запущены платёжный сервис Alipay и другие способы оплаты. Однако пока не удалось решить проблему отказа китайских банков прово-

Таблица 1. Объём накопленных инвестиций за 2005–2017 гг., млрд долл.

Страна-получатель	Объём инвестиций
США	171.04
Великобритания	72.39
Швейцария	60.01
Бразилия	54.56
Канада	49.42
Россия	38.15

Источник: Does China Dominate Global Investment? <https://chinapower.csis.org/china-foreign-direct-investment/>

дить операции или удлинять срок транзакций российским компаниям и физическим лицам [11, с. 64, 65].

Гуманитарное и научно-техническое сотрудничество двух стран носит многоплановый, комплексный характер. В ходе государственного визита Си Цзиньпина в Россию для участия в Петербургском международном экономическом форуме в июне 2019 г. было подписано Совместное заявление РФ и КНР о развитии отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху [12]. Документ содержит раздел из 11 пунктов о гуманитарном сотрудничестве, охватывающий сферы образования, молодёжных обменов, здравоохранения, культуры и искусства, спорта (включая подготовку к зимней Олимпиаде 2022 г. в КНР), туризма, защиты природы, лесов и редких животных, увековечения памяти героических деятелей и т.д. Гуманитарное сотрудничество осуществляется через контакты не только на высшем уровне, но и на среднем и низших этажах.

В 2018–2019 гг. в рамках объявленного Года российско-китайского межрегионального сотрудничества создано 135 пар городов-побратимов, дружественных провинций и краёв. По последним сведениям, в вузах РФ обучаются около 30 тыс. китайских студентов [13]. По численности они занимают второе место в России, уступая только студентам из Казахстана. Количество наших студентов в КНР немного не дотягивает до 20 тыс. По данным на 2019 г., в Российской Федерации действуют 19 институтов Конфуция и 5 кабинетов Конфуция. Россия открыла в КНР 35 центров русского языка и культуры. В Китае русский язык преподают в 153 вузах и 83 средних учебных заведениях. В нашей стране китайскому языку обучают в 230 учебных заведениях, а в целом этот язык изучают 26 тыс. человек.

В ежегодных докладах Российского совета по международным делам (РСМД) [11] о состоянии российско-китайских отношений отмечалась пилотная роль Университета МГУ–ППИ в Шэнь-

чжэне, созданного в 2014 г. Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова и Пекинским политехническим институтом. 18 июля 2019 г. состоялось подписание дорожной карты сотрудничества Российской академии наук и Академии наук КНР, участниками события стали президент РАН академик А.М. Сергеев и президент КАН академик Бай Чуньли. “Этот документ предусматривает договорённости о следующих проектах: совместные морские экспедиции — в Южно-Китайское море и восточную Арктику — для установления источников выбросов метана; научное сотрудничество по изучению Тибетского плато; исследования деятельности мозга и другие”, — отмечалось в сообщениях информационных агентств [14].

* * *

Таким образом, Россия и Китай призваны выступать против фрагментации международных отношений, поддерживать открытость и свободу торговли, укреплять центральную роль ООН, систему международного права, реагировать на опасные тенденции демонтажа механизмов глобального управления. Несмотря на экономические санкции и торговые войны, страны пока не могут игнорировать роль западных рынков, капитала, технологий в обеспечении экономической безопасности и развития.

Сейчас просматриваются два сценария эволюции российско-китайских отношений: превращение договора 2001 г. в союзнический при возникновении форс-мажорных обстоятельств и радикальное углубление формата стратегического партнёрства за счёт дальнейшей военно-политической интеграции. Неизбежна диверсификация договора 2001 г. и формирование некоего квази-союза на базе политического консенсуса. Текущий анализ свидетельствует о большой вероятности данного сценария.

Российско-китайские отношения в военно-политической сфере достигли такого уровня развития, что даже в отсутствии формального военного союза противник, готовящий нападение на одну из стран, должен принимать во внимание различные варианты совместного реагирования России и Китая. Подобная стратегическая определённость уже оказывает сдерживающее влияние на поведение США.

Совершенствование российско-китайского взаимодействия в Большой Евразии, углубление торгово-инвестиционного, инфраструктурного развития континента — стратегическая цель обоих государств. Россия, будучи ядром Евразии, имеет все возможности стать системообразующим звеном трансконтинентальных перевозок и региональной интеграции.

Принципиально важная задача на перспективу — внутренняя сбалансированность российско-китайских отношений с точки зрения экономики и безопасности. Возможности выравнивания торгового баланса связаны с диверсификацией российского экспорта, совместным развитием цифровой экономики, высоких технологий и сотрудничеством в Евразии. В условиях острой американо-китайской торгово-тарифной войны для России возникают дополнительные “окна возможностей” расширения экспорта сельскохозяйственных товаров и продукции других отраслей. Российским производителям необходимо создавать на территории Китая систему доводки своих товаров до потребителя — дистрибьюторские сети и пр.

Чтобы увеличить объём китайских инвестиций в Россию, требуется создать стабильные и прозрачные условия, включая закрепление договорённостей по ведению проектов на длительное время (речь идёт о фиксации налогов, определении количества административных процедур и т.д.). Снижение неопределённости, упрощение процедуры прохождения проектов повысит их ожидаемую доходность.

Для России и Китая всё более актуальными становятся углубление и расширение научных связей, повышение эффективности взаимодействия в области прикладных технологий. К приоритетным сферам научной кооперации относятся космонавтика, атомная энергетика, прогнозирование и предотвращение природных катастроф, а также их последствий, борьба с загрязнением воды и воздуха, геопропространственные технологии, новая и возобновляемая энергия, биотехнологии и биомедицина, ядерная физика, океанология и полярная наука, нанотехнологии, фотоника и проекты в области искусственного интеллекта.

Китай — непростой партнёр для нас. Тысячелетний политический менталитет лежит в основе китайских шагов по сближению с соседями. Очевидно, что в рамках двустороннего российско-китайского партнёрства просматривается прагматизм КНР и ориентация на его собственные интересы. И Россия должна выстраивать диалог с учётом собственного прагматизма, своих интересов развития и своей безопасности. В данной констатации нет противоречия, поскольку наличие параллельных интересов у России и Китая не идёт вразрез с установившимся альянсом двух стран, ключевые параметры которого — общая безопасность, взаимное право на развитие и равноправное сотрудничество. Основной балансир российско-китайского тандема для нашей страны на ближайшую и отдалённую перспективу — статусный: сохранение роли РФ как мировой державы и укрепление её военно-стратегических сил.

